

Глава 5. Рисование

Цзянь И битый час сверлил глазами девственно чистый лист.

С тех пор как всё случилось, он не брал в руки ни кисти, ни карандаша. О рисовании не шло и речи — он даже простого слова не написал. Когда врачи подбивали пациентов вести дневники, он и пальцем не пошевелил. Откуда же тогда Лян Чэнь узнал о его таланте?

Цзянь И украдкой вскинул взгляд. Лян Чэнь с самым серьезным видом строчил записи в истории болезни; сейчас в нём и следа не осталось от того наглого балагура, что паясничал пару минут назад. Самое удивительное — он не задал Цзянь И ни единого вопроса, но рука его так и летала по бумаге.

— Ты меня рисовать собрался? — Лян Чэнь внезапно перестал писать и поймал его взгляд. — Если меня, то я пока отложу дела. Приму позу посерьёзнее, чтобы покрасивее вышло.

Цзянь И тут же уткнулся в стол и вцепился в карандаш.

— Кто... кто это тебя рисовать собрался? Я просто думаю, с чего начать.

Лян Чэнь усмехнулся, легонько стукнул его кончиком ручки по макушке и снова погрузился в работу.

— Вообще-то, мы с Да Нином говорили о следующей жизни, — внезапно нарушил тишину Цзянь И. Головы он не поднимал, лишь вертел карандаш в левой руке.

— М-м? — Лян Чэнь замер, а затем негромко рассмеялся. Он отложил ручку и, откинувшись на спинку стула, скрестил руки на груди. — Так ты решил предложить мне сделку?

— Мне просто любопытно: как ты узнал, что я рисую? — Цзянь И продолжал крутить карандаш. — Я ведь тебе всё выложил, теперь твоя очередь.

— Само собой, — кивнул Лян Чэнь. — Но прежде чем я отвечу, колись: что именно вы там наплели про следующую жизнь?

— Ты сейчас со мной торгуешься? — Цзянь И отбросил карандаш и смело посмотрел врачу в глаза.

— Разумеется, — Лян Чэнь и не думал скрывать улыбку. — Инициатива была твоей, так что в торговле нет ничего зазорного.

— Ну ты и делец, — буркнул Цзянь И, но всё же сдался и опустил взгляд. — Мы решили, что в следующей жизни не будем людьми. Станем кирпичами. Куда Родина пошлёт, там и ляжем.

— Ха, свежо! Обычно все хотят стать деревьями, ветром, цветочками какими-нибудь... А вот кирпичом — это я впервые слышу. Какой, однако, самоотверженный юный строитель социализма. Эх, Цзянь И, отсыпал бы ты хоть толику этого энтузиазма своей нынешней жизни — цены бы тебе не было.

— Обойдёмся. С этой жизнью и так всё ясно, — Цзянь И провел пару линий на бумаге и замер.
— Твой ход, Лян Чэнь.

— В твоей анкете в графе «хобби» указана резьба. А те, кто умеет резать, всегда хоть немного, да смыслят в рисунке. Вот и весь секрет, — Лян Чэнь подался вперед.

— Ты разбираешься в резьбе? — Цзянь И снова поднял голову.

— Ни капли, — честно признался тот. — Но у меня есть приятель из этой сферы, так что кое-что краем уха слышал.

— Понятно, — Цзянь И снова уткнулся в лист.

— Расскажи, что ты обычно резал? — Лян Чэнь опять взялся за ручку, не сводя глаз с истории болезни.

— Лепил маленьких зверушек из глины. Ещё начал резать личную печать, но закончил только наполовину, а потом... — Голос его дрогнул и затих.

— Сегодня со стулом всё в порядке было? — внезапно сменил тему Лян Чэнь.

— Нет, — выпалил Цзянь И, не успев подумать. Лишь мгновение спустя до него дошло. — Погоди, ты что сейчас спросил?

— Позывы были или у тебя запор? — невозмутимо продолжал врач.

— Доктор Лян, вы всегда так скачете с темы на тему? — Цзянь И удивленно моргнул. Он вытянул левую руку и помахал ею перед лицом Лян Чэня. — Мне кажется, есть у меня часы на руке или нет — разницы никакой. Когда я иду, ты бежишь. Когда я бегу — ты уже в небе. Мне тебя не догнать.

— Ну, это ты зря, — парировал Лян Чэнь с лукавой искоркой в глазах. — Если бы ты действительно решил меня «догнать», я бы, может, и притормозил.

— Что за бред? — Цзянь И нахмурился. — У меня чувство, что мы под словом «догнать» понимаем совсем разные вещи.

— Да ладно тебе, шучу я, шучу. — Лян Чэнь указал кончиком ручки на блокнот. — Болтовня болтовнёй, а работу никто не отменял. Как раз дошел до этого пункта, вот и спросил.

Цзянь И горько усмехнулся:

— А я-то думал, великий доктор Лян видит всех насквозь и пишет диагнозы без лишних слов.

— Ты слишком многого от меня требуешь, — Лян Чэнь отложил ручку. — Кто ж по лицу определит, сходил человек в туалет или нет?

— Псих, — закатил глаза Цзянь И. — Не было позывов.

— Ещё бы. Кто ж не ест и в туалет хочет? — Лян Чэнь снова застрочил в истории болезни. — Добавлю тебе одну таблетку. Начнёшь пить сегодня после ужина.

— Слабительное? — с опаской уточнил парень.

— А то, — не поднимая головы, подтвердил врач. — Выпишу тебе что-нибудь покрепче. Будешь и дальше голодать — начнешь обниматься с «белым другом», пока кишки наружу не полезут.

Цзянь И пренебрежительно фыркнул, но, подумав о чём-то своём, снова склонился над листом и принялся усердно рисовать.

Около шести часов вечера Лян Чэнь закончил дневник осмотра. Лян Чэнь подпер подбородок ладонью и стал наблюдать за пациентом. У Цзянь И были длинные, хотя и редкие ресницы. Прямая переносица. Губы казались сухими и бледными. Он низко склонился над столом, прикрывая рисунок ладонью. Лицо его не выражало абсолютно ничего — казалось, он целиком ушел в мир линий и теней. Лян Чэнь невольно вспомнил, как легко тот менял маски во время разговора, и тихо вздохнул.

— Готово, Мастер Цзянь? — Он легонько щелкнул парня по лбу. — Вы там шаурму рисуете? Ещё чуть ниже наклонитесь — и можно будет обедать прямо с листа.

— Всё, всё, готово. — Цзянь И отбросил карандаш и с улыбкой размял затекшее запястье. — Сто лет не рисовал, уморился вусмерть.

— Ну-ка, оценим шедевр. Глядишь, и наваримся на аукционе.

Лян Чэнь выхватил листок и тут же прыснул от смеха. На бумаге красовался мужчина в белом халате, восседающий на унитазе. Вид у него был крайне озабоченный — брови сдвинуты к переносице, руки вцепились в живот. Видимо, бедолагу мучил жесточайший запор. Чтобы подчеркнуть титанические усилия «модели», Цзянь И пририсовал по бокам от талии несколько волнистых линий напряжения. А рядом красовалась подпись: «У Лян Чэня запор».

— Очень живо, Мастер Цзянь. Впервые вижу, чтобы карикатуры рисовали с таким похоронным лицом.

Лян Чэнь взял ручку, зачеркнул иероглиф «Чэнь» (Утро) и аккуратно вывел рядом правильный — «Чэнь» (Мгновение).

— Тут «безмолвие», а не «утро».

— А, «без солнца»? — переспросил Цзянь И. — Я думал, ты родился на рассвете, потому и «Утренний».

— Слышал выражение «прекрасный миг, чудесный вид»? — Лян Чэнь улыбнулся. — И иероглиф этот читается как «юэ» — «сказал», а не «жи» — «солнце».

Договорив, он вдруг о чем-то вспомнил и не смог сдержать хохота.

— Да что ты ржёшь? — недоуменно уставился на него Цзянь И. — Подумаешь, ошибся в слове. Прямо событие века.

Лян Чэнь замахал руками, пытаясь успокоиться, и закусил губу.

— Ничего, всё в порядке. Это не твоя вина.

Он просто подумал: Цзянь И ведь прав. Для людей с «сексуальной холодностью» действительно — «ни солнца, ни секса».

— Ладно, на сегодня закончим. — Лян Чэнь сложил рисунок пополам и спрятал в карман. — Цзянь И, я не знаю, сколько из нашей беседы задержится в твоей голове. Забудешь лишнее — бог с ним. Но помни одно: ты обещал мне говорить правду любому врачу, который спросит о твоём самочувствии. Понял?

Цзянь И кивнул и тоже поднялся.

— Доктор Лян, завтра снова вы будете со мной заниматься?

— Не факт, зависит от графика. Что, так понравилось излить душу именно мне? — Лян Чэнь усмехнулся.

— Вовсе нет! — Цзянь И сверкнул глазами. — Просто у меня есть просьба.

— Просьба? Ну, это вряд ли. — Лян Чэнь скрестил руки на груди. — У меня тут только бизнес, никаких просьб.

— Тогда давай совершим сделку! — огрызнулся парень. — Не говори остальным врачам, что я рисую. Не хочу, чтобы каждый встречный начал кланчить портреты.

— Понимаешь, Цзянь И, рисунок для врача — это способ заглянуть в твою голову. Вроде твоего дневника. У каждого свои методы, и я уверен, никто не станет тебя неволить. Но я даю слово: пока сохраню это в тайне. Если честно, мне просто стыдно показывать коллегам то, что ты сегодня изобразил. — Он похлопал по карману, где лежал рисунок. — Но раз это сделка, ты тоже должен кое-что сделать для меня.

— Излагай. — Цзянь И тоже скрестил руки.

— С завтрашнего дня я устанавливаю тебе норму питания. На три дня. За эти три дня ты должен съесть всё до последней крошки. Когда меня не будет рядом, я попрошу коллег и медсестер присмотреть за тобой. Цзянь И, это всего лишь три дня. Идет?

Цзянь И отвел взгляд, забарабанил пальцами по столу, но после недолгих колебаний буркнул:

— Ладно.

— По рукам! — Лян Чэнь легонько хлопнул его по плечу. — Идем, Да Нин заждался.

— Доктор Лян, а вы чем займетесь? — спросил Цзянь И на выходе.

— Я? Домой поеду, ужинать. Весь день маковой росинки во рту не было, с голоду умираю. К тому же кое-кто меня расстроил, так что придется заесть стресс двойной порцией. — Лян Чэнь с улыбкой подтолкнул его к выходу.

— Мог бы и не мелочиться, — съязвил Цзянь И. — А еще такой взрослый вырос.

Когда Лян Чэнь вернулся в ординаторскую, Чэнь Сяо уже был на месте. Он передал ему записи по Цзянь И, перебросился парой фраз и стал собираться домой. Выходя, он мельком глянул в сторону столовой и наткнулся на взгляд Цзянь И. Не сбавляя шага, он приложил два пальца к брови, лихо козырнул и одними губами произнес: «До завтра». Цзянь И поджал губы и торопливо уткнулся в тарелку с кашей. Когда он снова поднял голову, Лян Чэнь уже скрылся

за дверями отделения.

Машина Пэй Сяна ждала у обочины. Лян Чэнь забросил сумку на заднее сиденье и устроился впереди. Пэй Сян затушил сигарету и протянул ему бутылку воды.

— Не буду, я весь день только воду и дул. В животе и так всё хлюпает. — Лян Чэнь поставил бутылку на консоль. — Поехали скорее, я сейчас в обморок от голода упаду.

— Что, в первый же день решил все жилы из себя вытянуть? Ну и рвение, доктор Лян. Только учти — пробки сейчас жуткие. Да, посмотри в бардачке, там шоколадки были. Перекуси, а то укачает на пустой желудок.

Лян Чэнь достал упаковку чокопая и на ходу заговорил:

— Сян-эр, дело есть. С завтрашнего дня я выхожу в ночные смены. Ты просто имей в виду, но отцу своему пока не болтай. Он мне сегодня утром советовал не перетруждаться и ночами не дежурить. Знаю, что из добрых побуждений, но не хочу я этих поблажек.

— Принято, Чэнь-трудоголик. Ты с самого детства... Ой, бля! — Пэй Сян резко ударил по тормозам и яростно засигналил. Он уже потянулся к окну, чтобы высказать всё, что думает об обидчике, но Лян Чэнь удержал его за руку.

— Да ладно тебе, не связывайся. Поехали уже, сзади гудят.

— Уроды, — выплюнул Пэй Сян, глядя в зеркало заднего вида. — Ну вот скажи мне, почему некоторые пешеходы прутся через дорогу так, будто у них, как у кошек, девять жизней в запасе? — Он мельком глянул на друга. — Ты в порядке?

— Всё нормально, — Лян Чэнь вытер крошки. — Привык уже. Каждый раз, когда сажусь к тебе, сначала прохожу ускоренный курс молитв всем богам сразу.

— Да ну тебя, — усмехнулся Сян. — В следующий раз сам поведешь. Твой пижонский G500 уже три года в «холодной ссылке» киснет. Пора бы выгулять старичка.

— С такими-то дорогами? Уволь, только бензин жечь.

— Ого, я не ослышался? Сам господин Лян заговорил об экономии? А я-то помню, как ты его только купил — в любой пробке, даже если ползли со скоростью черепахи, газовал так, будто на гоночном треке.

— Времена меняются. Учеба — это одно, а работа — совсем другое. Я пока ни копейки не заработал, не на что мне баки заправлять. — Лян Чэнь отпил воды. — Поезжу пару месяцев на

маминой малолитражке. А вот в конце августа, когда соберемся в Ганьсу, тогда и выведу «Да GG» на волю, порезвимся всласть.

— Да брось, ты сейчас только форточку приоткрой — он уже рваться начнет.

— Иди ты. Заметил я, что ты без своих сальностей и дня прожить не можешь... — Лян Чэнь вдруг рассмеялся. — Послушай, Брат Сян, ты там часом не застоялся без дела?

— Да кто бы говорил! Глянь в зеркало — там очередь из желающих за мной бегаёт. — Пэй Сян лихо свистнул. — А если серьезно: ты пока у родителей поживешь? Квартиру свою всё еще сдаешь?

— Да, висит на Airbnb. Мама говорила, какие-то корейцы на месяц заехали. Прямо под моё возвращение. Она хотела их выселить, но я решил, что лишняя морока ни к чему. От дома до больницы рукой подать, да и для ночных дежурств удобно. — Он заглянул в телефон. — Хуань-хуань пишет, что они уже на месте.

— Понял, мы тоже почти приехали.

Лян Чэнь вдруг задумался и добавил:

— Кстати, прикинь: сегодня в обед, как только я тебе ответил, Ван Кэцзя ко мне в друзья постучался.

— А? Вот же говнюк неугомонный. Видать, давно по шее не получал. — Пэй Сян сплюнул и завертел головой. — О, отлично, там место есть. — Он начал лихо парковаться. — Ты ж его не добавил?

— У меня что, дел других нет?

В холле ресторана они назвали имя Пэй Цзюньчэна, и администратор проводил их в отдельный кабинет. Там уже собрались родители и Лян Хуань. Стол ломился от закусок, а компания весело что-то обсуждала.

— О, а вот и наши герои! Наконец-то, — зычно провозгласил Пэй Цзюньчэн. — Официант, еще два прибора. И подавайте омаров в сырном соусе.

— Ого, омары! Спасибо, дядя Пэй, — улыбнулся Лян Чэнь, усаживаясь. — Прямо мысли мои прочитали.

— Для тебя и берегли, — ответил Пэй Цзюньчэн и, смерив сына недовольным взглядом, добавил: — Сян-эр, ну неужели нельзя было хоть сегодня прилично одеться? Вечно выглядишь

так, будто только что из гробницы вылез.

— Пап, ну свои же люди. Дядя Лян и тетя Цзя мне не чужие. К тому же, если я напялю костюм, как Чэнь-эр, мне же самому тошно станет. Он — врач, а я так, камнетес обыкновенный. — Пэй Сян хохотнул и устроился рядом с другом.

— Да брось ты эти формальности, — вступилась тетя Цзя. — Главное, чтобы детям удобно было. Сян-эр, что будешь пить?

— Ой, спасибо, тетушка. Я сегодня в завязке, вечером еще на объект ехать, дела принимать. Мне чего-нибудь безалкогольного. — Он повернулся к Лян Чэню. — А тебе? Вино? Сок?

— Сок. — Лян Чэнь подвинул ему свой стакан. — Желудок барахлит, не хочу алкоголь.

— Что с желудком? — всполошилась мать Пэй Сяна.

— Всё в порядке, тетя. Просто сегодня замотался, пообедал поздно.

— В 3-м отделении врачей пруд пруди. Договорись с ними, чтобы смены не мешали еде, — наставительно произнес Пэй Цзюньчэн и вытащил из кармана листок. — Вот, я распечатал график дежурств заведующих. Ориентируйся по нему, когда будешь планировать свое время.

— Огромное спасибо, дядя Пэй. — Лян Чэнь аккуратно спрятал листок в сумку.

Когда подали омаров, Лян Чэнь и Пэй Сян сосредоточились на еде, старшие увлеклись беседой, а Лян Хуань прикипела к телефону, безостановочно отправляя голосовые сообщения.

— Опа, сестренка, неужели на горизонте кто-то появился? — подмигнул ей Пэй Сян. — Я смотрю, ты с трубкой прямо сроднилась.

— Какая наблюдательность, братец Сян! — Лян Хуань лучезарно улыбнулась. — Но должна тебя разочаровать. Мы с подругой обсуждаем завтрашний поход на выставку.

— Ишь ты, высокая культура. Ну-ка, покажи, что там за подруга.

— Обойдешься, — Лян Хуань убрала телефон. — Она уже занята, так что не раскатывай губу. У тебя и так свита не помещается.

— Эх, сестренка, напраслину ты на меня возводишь. Я же сутками среди потных мужиков, камней да бревен. Скоро в твоего брата превращусь. — Он хлопнул Лян Чэня по плечу.

— Убери грабли, — Лян Чэнь стряхнул его руку и повернулся к сестре: — А что за выставка?

— Сказали, современное искусство. Девушка затеяла ремонт и ищет вдохновение для дизайна.
— Она удивленно приподняла бровь. — А что, братец, неужели и ты приобщиться решил?

— Нет, просто спросил. — Лян Чэнь покачал головой и снова обратился к Пэй Сяну: — А где у нас обычно скульптуры выставляют?

— Хм, — Пэй Сян озадаченно поскреб подбородок. — Ну, понятное дело, в Музее Гугун круче всего. Еще в Национальном музее Китая, в Столичном музее, в Художественном музее, в Музее Поли... — Он начал загибать пальцы, но вдруг осекся и подозрительно прищурился. — Погоди-ка, а тебе-то это зачем?

— Да так, к слову пришлось, — Лян Чэнь вытер руки салфеткой. — Вспомнил просто.

— У твоего брата явно кто-то на примете, — зашептал Пэй Сян на ухо Лян Хуань. — Спорим?

— Верю и без споров, — так же тихо ответила она. — Он никогда этим не интересовался, а тут вдруг и живопись, и скульптура. Сто пудов дело пахнет керосином.

Пэй Сян незаметно показал ей большой палец.

Во время вечернего обхода медсестра положила на ладонь Цзянь И горсть разноцветных таблеток.

— О, Цзянь И, сегодня ты просто молодец! Тарелка каши и целая булочка. Я уж испугалась, как бы у тебя тяжести не было, а доктор Лян будто мысли мои прочитал — заранее выписал тебе средство для пищеварения. Вы что, сговорились?

— А? Разве это не слабительное? — опешил Цзянь И.

— Какое еще слабительное? — удивилась девушка.

— А, нет, ничего. Спасибо, сестрица. — Цзянь И запил таблетки водой и подошел к Чэнь Сяо.

Тот с улыбкой осмотрел его рот и кивнул:

— Порядок.

Цзянь И указал на шкаф с передачками:

— И когда я только успею всё это съесть? Тут же запасов на год.

Чэнь Сяо обернулся к шкафу и усмехнулся:

— Если бы мы с сыном завалились в онлайн-игру, мы бы прикончили эту гору за вечер.

— Тогда... — Цзянь И замялся. — Если вы проголодаетесь, может, возьмете себе чего-нибудь?

— М-м? — Чэнь Сяо покачал головой. — Спасибо за доброту. Но врачам нельзя брать еду у пациентов. Если сам не справляешься — угости ребят из палаты.

— Ладно, — кивнул парень.

— И что это с тобой? С чего вдруг такая забота о сытости врачей? — Чэнь Сяо с интересом наблюдал за ним. — Знаешь, если ты начнешь есть по расписанию, мы готовы хоть впроголодь сидеть, лишь бы ты поправлялся.

— Тогда нам придется поменяться местами, и лечить буду уже я вас, — слабо улыбнулся Цзянь И. А затем, немного помолчав, спросил: — Доктор Чэнь, а доктор Лян... он ведь еще не окончил учебу?

— Верно, — Чэнь Сяо засунул руки в карманы. — Он учится в магистратуре в Америке. Приехал домой на каникулы, вот и проходит практику. А что?

— Да нет, ничего. — Цзянь И покачал головой. — Америка, значит. А что он будет делать после выпуска?

— Ну, этого я знать не могу. — Чэнь Сяо по-отечески положил руку ему на плечо. — Слушай, Цзянь И, если тебе так любопытно — спроси его завтра сам. Запомни: если хочешь что-то узнать, лучший способ — обратиться к первоисточнику. Тебе интересен доктор Лян? Так и спроси: окончил ли он университет, пообедал ли сегодня... Уверен, Лян Чэнь будет только рад. Ему будет приятно узнать, что ты проявляешь к нему интерес. Это куда ценнее, чем если я буду пересказывать его биографию. Понимаешь? Я ведь и раньше тебе говорил: учись выражать свои искренние чувства и мысли напрямую тем людям, кому они адресованы. Помнишь?

Цзянь И молчал, погруженный в свои мысли. Чэнь Сяо мягко улыбнулся.

— Ничего, если забыл. Будет время — обдумай мои слова перед сном. Не привык — ничего страшного, всё придет со временем. В этот раз я так и быть, сам у него спрошу, если хочешь.

— Нет, не надо, — Цзянь И замахал руками. — Доктор Чэнь, я пойду. Спокойной ночи.

— Хорошо, отдыхай и не забивай голову. Всё наладится. — Чэнь Сяо помахал ему рукой. — Доброй ночи, Цзянь И.

Когда в палате погас свет, в тишине стали отчетливо слышны приглушенные всхлипы и невнятное бормотание других пациентов. Цзянь И перевернулся на спину и уставился в потолок. Сегодняшний сеанс терапии стал для него чем-то совершенно особенным. Конечно, доктор Чэнь тоже иногда шутил с ним после обхода, но вот так... Почти час бессовестно трепаться ни о чём, а потом еще полчаса сидеть в уютной тишине и рисовать — это было в новинку. И хотя доктор Лян явно обожал всякие сделки, условия он ставил вовсе не обидные. Первый раз — просто выйти в люди, второй — обменяться секретами, а теперь вот — три дня нормальной еды.

Цзянь И невольно хмыкнул про себя.

— Что за дурацкие сделки, детский сад какой-то, — прошептал он.

Но как бы он ни пытался ерничать, где-то в глубине души Цзянь И понимал: он уже начинает ждать их следующей встречи.

<http://bllate.org/book/17455/1657494>